

СЕМЕН ПЕГОВ

Поэт, военкор, человек года по версии *News media*

Я И РЫЖИЙ СЕПАР

репортаж под
«Градом»

**ЗАХАР
РИЛЕПИН**
РЕКОМЕНДУЕТ

Семен Пегов

Я и рыжий сепар

Серия «Захар Прилепин рекомендует»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22631373
Я и рыжий сепар: Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-06617-6

Аннотация

Семен окончил вальдорфскую школу в Смоленске и отделение журналистики СмолГУ. Первым его местом работы было телевидение в Абхазии. Потом он военкор на новостном портале Life. Боевым крещением был Каир. Потом Сирия, Донбасс... Захар Прилепин написал о нем: «Среди спецкоров-военкоров есть тут Семен Пегов, который в статусе личных врагов Майдана пребывает с самого Майдана (он там сидел под снайперским обстрелом три часа, и потом его обвинили в том, что он сам этот обстрел и корректировал) и фигурирует в списке «врагов нации». Семен уже несколько месяцев в Новороссии (до этого был революционный Египет и прочее). Он поэт. Стихи у него отличные. Так что не все потеряно, друзья, не все потеряно. Одни ходят на Марш мира, другие – под обстрелом».

Содержание

Наследник по прямой	5
Моторола	9
Танки в Семеновке	9
Репортаж под «Градами»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Семен Пегов

Я и рыжий сепар

© С. Пегов, 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Михаил Соколов / ТАСС

Наследник по прямой

«Мы живем, под собою не чуя войны», – написал Пегов. Очень точно.

У нас все ссылаются на времена, когда не чувствовали под собой страну, и, до хруста в позвонках выворачивая шею назад, толком не могут понять того, что происходит здесь и сейчас.

Понять – и нести за это ответственность.

Обычную ответственность русского поэта.

Пушкин стремился на каждую войну, которая случалась в его времена, и, в сущности, вполне себе послужил волонтером на русско-турецкой. Солдатами были и Баратынский, и Афанасий Фет, и Велимир Хлебников. Батюшков воевал, Лермонтов воевал, Лев Николаевич Толстой воевал, а, в свою очередь, Алексей Николаевич Толстой был военкором. Гражданскую (и не только) прошли Бабель и Газданов, Сельвинский и Туроверов.

Все эти чудесные имена, все эти блистательные ребята – Константин Симонов, Евгений Долматовский, Борис Слуцкий – военкоры, политруки, бойцы, – они чуяли под собой, над собой, вокруг себя войну, причем не только Великую Отечественную, у них все это началось раньше, на всевозможных «аннексиях» – и собственно страну через войну познавали.

Для русской литературы такое поведение было обычным. «Будет война – поеду на войну», – писал Чехов. Естественно, он поехал бы врачом, как, скажем, в свое время Константин Леонтьев.

В этом смысле что-то надломилось совсем недавно: я даже толком не заметил когда.

Ладно бы еще пацифисты повылезали бы отовсюду – у этих хотя бы убеждения есть, – нет, какие-то новые, удивительные существа: поэты вне политики, вне войны – ну вроде как не их царское дело обращать внимание на всякую там пулеметную трескотню.

Вы можете себе вообразить Пушкина, или Блока, или Есенина, которые сказали бы о себе, что они «вне политики»? Да хоть даже и Бродского. Вне политики, вне империи, вне противостояния. А где тогда?

Бесстрашный военкор Семен Пегов едва ли не один тащит на себе обязательства, которые до недавних пор несла русская литература целиком.

Он не вне войны и не вне мира. Он внутри, как и положено поэту.

И рассказать ему есть о чем.

Сирийские дороги – едва ли кто-то побродил, походил, побегал по ним больше, чем Пегов.

Ближайший друг Моторолы, знающий о нем больше, чем кто бы то ни было, он делится здесь, в своей первой книжке, своими воспоминаниями.

Семен, напомним, поставлял из донецкого аэропорта такие ошеломительные репортажи, что даже Эдуард Лимонов, «военным забавам» (пушкинское выражение) сам не чуждый, процедил о Пегове: очень смелый молодой человек. Это Лимонов, который вообще никого не хвалит, предпочитая лично быть самым смелым среди всех.

Помню потом, как Пегов, в отличном костюме, уже в Москве, получает очередную награду – на этот раз не военную (военные у него тоже имеются), но журналистскую, – стоит среди сияющего глянца, софитов и улыбок. Я поймал себя тогда на мысли: вот эти люди, рядом с Пеговым, они в принципе не могут предположить, где он был три дня назад, что он видел, как там громко стреляют, и как часто убивают, и сколько раз Пегов ловко проходил мимо пули, летевшей ровно в него.

При этом для Пегова выражение лица по типу «я старый солдат удачи» совершенно не характерно. Зная себе цену, он ведет себя так, будто он вовсе ни при чем – ну что-то там было такое, но все эти бесконечные войны и революции, свидетелем которых он являлся и является в постоянном режиме, – вроде как и не коснулись его.

На самом деле, конечно, коснулись.

Как минимум, в итоге мы получили блистательного поэта. И напоследок, собственно о его стихах, в двух словах.

У нас же как: если поэт – патриот и «за Донбасс», то его поэтическое развитие находится, как правило, на уровне

«народников» второй половины XIX века.

Пегов особенно любопытен тем, что при всех своих вполне консервативных взглядах на жизнь и на смерть, при всем своем патриотизме и, с позволения сказать, милитаризме отлично владеет всеми модернистскими и постмодернистскими техниками.

В мировой поэтической традиции Семен Пегов чувствует себя столь же спокойно и ведет себя так же уверенно, как в донецком аэропорту.

Работаем дальше, брат.

Ты на самом удачном пути.

Захар Прилепин

Моторола

Танки в Семеновке

– Сжали булки, следующие тысячу метров простреливаются насквозь укроповскими танками и БМП. Воха, топи... – Моторола перекрикивает задувающий в окна «мицубиси-аутлендера» пригорелый воздушный поток и делает музыку на полную громкость.

Воха – водитель и правая рука Моторолы – разгоняет джип до ста сорока, меня швыряет из сторону в сторону на заднем сиденье – на такой скорости он резкими зигзагами объезжает хвостовики мин, которые торчат иголками на изрядно потрепанной обстрелами трассе.

– А на этом перекрестке даже я иной раз глаза зажмуриваю. – Пролетаем развилку на Харьков – по правую руку изрешеченная стела «Славянск». – Украинский танкист – мы дали ему кличку Ровно – пристрелялся по этому месту, у него ствол постоянно сюда направлен – корректировщики, когда засекают машину, дают ему отмашку, а дальше у него все отработано. Когда едешь больше ста двадцати, шансов, что в тебя попадет танковый снаряд, мало, осколками может задеть... А вот ребята наши тут недавно замешкались на «газели» – так их в клочья разнесло.

В подтверждение его словам раздается трескучий грохот, задницу джипа подкидывает, я бьюсь головой о потолок. Хорошо, думаю, что в каске. Моторола оборачивается на меня и ржет, Воха лыбится.

– Если услышал разрыв танкового снаряда – не ссы, значит, живой остался. Звук от выстрела долетает с двухсекундным запозданием, то есть, когда ты слышишь, снаряд уже разорвался и опасность позади... – делится ополченец фронтовой мудростью, – правда, никто не гарантирует, что не будет второго удара, поэтому чересчур расслабляться все равно не стоит.

Бросаю взгляд на спидометр, убеждаюсь, что полет нормальный. Воха делает залихватский вираж, мы влетаем в стойло, напоминающее автомастерскую или мойку.

– Бегом из машины, – поступает команда, и я истеричным кувыркком выкатываюсь в пыль передовой. – Спрячься за стенкой, голову не поднимай.

Пробежать нужно было метров десять, но моим легким они показались как минимум стометровкой. Прислонился спиной к стене, пытаюсь отдышаться. Моторола поясняет:

– Тут дня три назад Фомича со Стениным привозил, только мы припарковались – танк еблысь. Хорошо, что танкист промазал – снаряд разорвался в крыше. А у Фомича – с его стороны дверь заело, он ее толкает плечом, и все никак... Ну ты представляешь Мишу, оборжаться.

Миша Фомичев, он же Фомич, в те времена оператор Life,

уже пару месяцев торчал на Донбассе. Андрей Стенин – фотокор «России сегодня» – тоже не вылезал из Славянска. В 2013-м мы втроем исколесили всю Сирию. Теперь встретились здесь. Они и познакомили меня с Моторолой накануне вечером.

* * *

Километрах в трех от гостиницы «Украина» минометный обстрел. На улице Шевченко в центре Славянска к середине июня 2014-го не было ни света, ни воды. Поэтому все ужинают при свечах, шахтерский фонарик на лбу – необходимый атрибут каждого постояльца. В отеле живут только российские журналисты. Работающих заведений в городе не осталось. Темными вечерами на внутренней площадке почирканного осколками постоянного двора военкоры жарят мясо на углях. Даже почти ночью в этих краях за тридцать, поэтому все стараются держаться подальше от мангала. Несмотря на жар, жрать хочется нестерпимо. За ограждением – голодный и пустой город. Остались те, кто просто-напросто не смог уехать, в основном пожилые люди. Молодежь из рабочих семей ушла в ополчение и сидит сейчас в окопах под обстрелом. Местный бомонд рассосался, как только стало понятно, что Донбасс не крымский вариант.

Славянск окружен подразделениями ВСУ, действует комендантский час. У гостиницы трутся разве что псы, прибе-

жавшие на запах шашлычной копоти. Продюсер Игорь протыкает сочные куски мяса перочинным ножичком – вроде бы вот-вот будет готово. Компания военкоров деловито оживляется, тени в поисках пластиковых тарелок мельтешат вокруг стола. И вдруг убогая трапезная озаряется неестественным для этого времени суток светом. Мы ловим недоумевающие взгляды друг друга. Похоже на салют, но в замедленном действии. В небе разрываются снаряды, светящиеся осколки которых виноградными гроздьями медленно стекают к земле. Когда они достигают поверхности, клочки земли вспыхивают тягучим ядовитым пламенем. Семеновка – главный форпост обороны Славянска – горит. Все хватаются за камеры. Но на таком расстоянии ни черта не снимешь. Ехать в этот огонь – безумие. Возвращаемся к столу, ждем новостей с фронтовой линии. Тени с пластиковыми тарелками перемещаются поближе к гостиничному подвалу, мало ли что. Невиданные вспышки могут быть предвестниками чего угодно. Например, финального штурма блокадного города. А значит, артиллерия ВСУ начнет работать со всех стволов.

Сырой, но просторный подвал «Украины» не раз спасал от минометных осколков. Звуки боя в Семеновке долетают обрывками, военкору пережевывают шашлык громче. И снова слепящий свет, на этот раз с земли. Оглушающая и утробная отрыжка сабвуфера.

У отеля рывком затормозил джип цвета хаки. В душном воздухе на всю округу – рэперский речитатив. Из машины

выпрыгивает вооруженный человек в космокаске, облепленный латами.

– Добре, молодые люди! – Моторола копировал украинский акцент. Он учил мову, чтобы с изыском троллить врага во время радиоперехватов: «Снова на изжоге тут сидите?»¹

Тут же появлялась еще одна тарелка, наполненная мясом, – для полевого командира. Шумная компания подчеркнуто замолкала, тени тесно обступали ночного гостя. Стартовал ночной выпуск новостей с фронта – от Моторолы.

– Укропы обстреляли Семеновку фосфорными боеприпасами, горит с десятков домов. Сначала мы их приняли за обычные «лампочки» – осветительные мины. Такие обычно используют во время наступления пехоты или чтобы засечь диверсионно-разведывательные группы противника. Ущерб от «лампочек» – практически никакого. Другое дело – «зажигалки». От фосфора воспламеняется даже голая земля, а дома вспыхивают моментом. И главное хер потушишь. Двоих бойцов уже увезли в госпиталь с химическими ожогами. Плюс ядовитый дым: пацаны задыхаются в окопах и блиндажах. Бандерлоги хотят, короче, выкурить нас из Семеновки, в открытый бой ссут идти, – резюмирует ополченец. – Видео фосфорных обстрелов скинуть?

Тут же появился технарь с ноутбуком. Телефон Моторолы, через камеру которого половина страны наблюдала самые опасные моменты вооруженного противостояния в Сла-

¹ «На изжоге» означает «на измене», «на страхе».

вянске, бережно подключили к компьютеру. Моторола, как всегда, торопился – Первый (так бойцы называли Стрелкова, в ту пору министра обороны ДНР) нарезал ему задач. ВСУ могли пойти на прорыв на любом участке обороны, выстроенной на скорую руку. Однако гранатометную группу, которой руководил Арсен, даже спецназовцы СБУ побаивались. Ребята действовали не просто бесстрашно, но и креативно. Любая стычка с ними выходила противнику боком. На Славянском фронте, как вы понимаете, их талант был востребован.

Когда была свободная минутка, Моторола и его помощник Воха заскакивали к журналистам в гостиницу «Украина». Здесь была возможность разнообразить ежедневный окопный рацион, состоящий из сухпайка, свежеприготовленным мясом.

К тому же здесь был единственный безопасный в городе водоем – бассейн метров шесть длиной. От воды едко разило хлоркой, вдоль бортика стояли некогда гламурные шезлонги. После беготни на передовой ополченцы не упускали возможности освежиться, с водой действительно были напряги. (Через пару недель жидкость в этой купальне стала непригодна для плавания – позеленела от количества пота, вероятно. Военкоры по утрам ваннные процедуры принимали там же.)

Мотор засобирался, мы еще не были знакомы, я только что каким-то чудом пробрался в блокадный Славянск, объ-

езжая полями блокпосты ВСУ. После того как Марата Сайченко и Олега Сидякина – оператора и корреспондента Life – взяли в плен украинские военные, здесь же неподалеку, в соседнем Краматорске, шансов проехать через жовтоблокитное КПП у меня не было. Нас, хоть сколько-нибудь узнаваемых российских журналистов, внесли в списки пособников террористов и объявили в розыск. Пришлось петлять козыми тропами.

– А это ты, что ли, с «Лайфа» – Пегов? – перед тем как уйти, обратился ко мне Моторола.

– Я, – говорю.

– Передай вашим Сайченко и Сидякину, если их встречу – сам на подвал посажу. Они в плен попали, а разгребать, получается, мне. Теперь меня каждая собака знает... Не только в Укропии, но и в России.

Конечно, Моторола прославился еще задолго до этой истории с пленом. Правда, лицо его на экране никогда не появлялось. С самого начала боевых действий в Славянске он снимал спецоперации ополченцев на мобильник, который прикреплял на груди. Параллельно – поскольку командовал гранатометной группой – раздавал подчиненным указания во время боя, иной раз сопровождая их искрометными комментариями.

Свои ролики он потом отдавал на телик, совершенно бескорыстно, из творческого азарта. Довольно быстро его своеобразный голос – высокий, с уникально динамичной инто-

нацией — стал узнаваем и звучал со всех центральных каналов. Моторолу вполне устраивала роль человека за кадром, торговать лицом он не стремился, да и статус не позволял. На Донбасс он пришел с группой российских добровольцев, нелегально пересек границу с Украиной, четкой линии фронта не было, эсбэушники в штатском кишели в шахтерских городках, поэтому те ополченцы, которые выполняли специальные задачи, иной раз в тылу противника, перед камерами предпочитали появляться в балаклавах. Так делал и Моторола. Лицо ему пришлось открыть, чтобы защитить моих друзей и коллег из Life от ложных обвинений. Пока Марат и Олег находились в камере, в Сети появилось очередное видео боя, отснятое Арсеном. На «Эхе Москвы» тогда вышла заметка: якобы наших журналистов задержали за дело, ведь голос, раздающий команды во время атаки на украинский блокпост, принадлежит одному из них. Чушь несусветная, но вони тогда поднялось — мама не горюй. Парням и так светило до пятнадцати лет тюрьмы за пособничество террористам, а тут еще масло в огонь подливают. Стрелков поступил гуманно по отношению к моим коллегам и негуманно по отношению к Мотороле, а именно дал команду без маски пообщаться с журналистами, чтобы было понятно, кому голос принадлежит на самом деле. Его инкогнито растоптали сотни тысяч просмотров. Невысокий рыжеватый парнишка с своеобразной манерой излагать мысли очень быстро стал эдаким брендом «Русской весны» на Донбассе.

Другой вопрос: надо ли это было ему? Спустя два года войны он стал уже по-настоящему медийной персоной. Когда мы встретились в относительно спокойном Донецке, Моторола утверждал, что не хотел этого. Кокетства в нем не было никакого. Правда, если в 2016-м он с ролью смирился, то во время обороны Славянска популярность его раздражала.

– Возьмешь, – спрашиваю, – завтра на передовую?

– Да тут очередь из желающих... А мне как будто заняться нечем.

– Ты меня только забрось, познакомь с ребятами, а дальше я сам.

– Мне рассказывали, ты в Сирии был и в Крыму работал... Ладно, возьми мой номер у Фомича и набери часов в девять.

* * *

Автомойку, за стеной которой мы с Моторолой и еще десятком ополченцев прятались от меткого украинского танка, на местном сленге называли «Метелицей». До того как противник начал применять различного калибра артиллерию, здесь, рассказывали, были еще и мини-отель с кафе. Судя по всему, с одноименным названием. Придорожный комплекс к моменту моей первой вылазки на передовую представлял собой руины. Похожих разрушений полно в Сирии, где война идет несколько лет, – аналогичный пейзаж стараниями ВСУ был создан в Семеновке за пару недель.

– От этих фосфорных снарядов днище рвет нереально просто, – по-свойски пожаловался боец, расположившийся по соседству. В отличие от меня он не так истерично прижимался к стене, в голосе чувствовалась фронтовая вальяжность. – Пацаны вчера надышались этих фосфорных газов – полночи срать бегали. Грешили на повара сначала, а потом вспомнили, что ничего, кроме сухая, за день не жрали, а от него же, наоборот, ну сам понимаешь – неделю просрать нельзя, а тут такое расслабление... Методом логического исключения пришли к выводу – все из-за дыма.

– Док, харе корреспондентов страшать, – прервал его философские рассуждения Моторола, повернулся ко мне: – А вообще он прав. Если опять начнут химией забрасывать, постарайся особенно не дышать...

– Как, – спрашиваю, – не дышать?

– Как все... Воха, ну что думаешь, отстрелял он боекомплект и ушел на перезарядку?

Забыл сказать. Все это время, пока мы сидели за стеной и разговаривали на физиологические темы, по зданию херачил танк. Со стен сыпалась белая труха. Хорошо, что между нами и гусеничным чудовищем (именно так я его представлял) не менее трех перекрытий, да и прямых попаданий было не так много...

– Да, скорей всего, ушел на перезарядку, – отозвался Воха.

– Бегом в машину, – скомандовал Моторола, – у нас есть пара минут, чтобы отсюда съ...ться.

Оказывается, «Метелица» в нашем маршруте – лишь перевалочный пункт.

– Они мой телефон пеленгуют, – объяснял Моторола уже в машине, – поэтому пацаны на позициях очень не любят, когда я приезжаю. Благодаря Life я теперь личность известная, и укропы объявили на меня охоту. Стоит мне появиться на передовой, туда сразу же наваливают со всех стволов. Спроси вон – у Вохи.

Тот кивнул.

– Я как бы верю, – скромно выдавливаю из себя ремарку: после танкового обстрела состояние мутное. – А сейчас мы куда? – пытаюсь поддержать разговор.

– К клубу или Дому культуры, называй как хочешь. Он сейчас горит. Ночью подожгли, фосфорными снарядами как раз. Там этой дряни рассыпано вокруг хоть обснимайся.

– Замечательно, – говорю.

Воха тут же разгоняет «аутлендер» до ста двадцати и выскакивает на параллельную трассе проселочную дорогу. За нами облака деревенской пыли, на колдобинах никакие джиповские рессоры не помогают, тем более на такой скорости.

Мы петляем в частном секторе, уже инстинктивно догадываюсь: чем дорога прямее, тем опаснее. Зигзаги – одно из средств защиты. Также залихватски, как и десять минут ранее, тормозим у деревенского домика на окраине села.

– Народ, спрячьте корреспондента в подвал, сейчас сто процентов начнут 82-ми обкладывать, столько пыли подня-

ли, корректировщики не могли не заметить, Воха, ставь машину вплотную к забору.

Под 82-ми подразумевался минометный обстрел. Калибр мелкий, но неприятный. Веду себя суматошно, страсть как не люблю подвалы, там сыро и душно: у меня астма.

– Переждем чутка и дальше пешком, – подбадривает Моторола.

На этот раз обошлось без обстрела, мы выдвинулись к горящему клубу: здание потрескивало метрах в пятистах. Тропинка к нему была усеяна осколками и минными хвостиками. Вокруг них выгоревшие пятна желтовато-порошкового оттенка. Моторола поднимает с земли небольшой, как будто игрушечный парашютик:

– Вот на таких они спускают на нас «лампочки». Осветительные мины то есть. Летят медленно и в общем не опасны. А это, – показывает на болванку в сыпи, – и есть фосфорно-зажигательные боеприпасы. Они летят с таким тягучим и шуршащим свистом, скорость не высокая, предназначены не столько для пехоты, сколько для строений. От фосфора загораются даже голые камни. Укропы, наверное, думают, что мы в домах сидим по всей Семеновке и спим на кроватях, мол, частный сектор подожгут этой своей химической дрянью, мы и убежим. Только вот не учли, что у нас вся деревня окопами уже изрыта, древний и самый надежный способ обороны. В окопах и фосфор любой по барабану, разве что у кого желудок слабый, – иронизирует Моторола.

Заходим в тлеющий Дом культуры, обгорелые ребра кирпичей выглядят голо и беспомощно, спускаемся на цокольный этаж – там прячутся несколько ополченцев.

– А мирные, – спрашиваю, – в деревне еще остались?

– Да, две-три семьи. Но это, кажется, там, на нижней улице, недалеко от кладбища, ближе к речке. Одна семья вообще с маленькими детьми. Ну и старики совсем одинокие, которые наотрез уезжать отказываются.

– Можем к ним съездить? – прошу Моторолу.

– Съездим, только заскочим на базу, возьмем детям чего-нибудь пожарить.

Базу я представлял себе иначе. Это оказался довольно мрачный подвал, свет туда проникал через узкие оконца, которые располагались аккурат под потолком, ну и, конечно, через дверь вверху лестницы, которая во время затишья не закрывалась. К проему были выведены две большие, в половину человеческого роста, колонки. Сложная система проводов соединяла их с плеером.

– Это мой диджейский пульт, – пояснил Моторола.

И часа общения хватило, чтобы понять – музыка в его случае такой же неотъемлемый атрибут войны, как автомат Калашникова.

– Сейчас устроим для вэсэушников утреннюю дискотеку, пускай потанцуют. – Моторола нащупывает в плеере нужную композицию, параллельно объясняя – до ближайшего блокпоста противника метров триста, колонки мощные, до-

бывают, слышимость отличная. И вот уже из динамиков на полную громкость раздается рефрен омской группы «Грот»: «Это вселенная делает детей русскими». Ополченец покачивается в такт, подражая рэп-исполнителям: – Раньше я, как положено, по часам намаз врубал. Украинские СМИ истерили: в Славянске воюют чеченцы, чуть ли не спецназ Кадырова. Я подумал: зачем развеивать слухи, пусть боятся, стал поддерживать легенду. Потом, мне всегда нравились песни Тимура Муцураева – это бард чеченский, воевал на стороне боевиков в первой кампании, поддерживал ичкерийцев. Тексты у него в основном на исламскую тему, но, если человек талантлив, я его уважаю вне зависимости от идеологии. Вот получалось так, что он вроде как про джихад пел и все в таком духе, но некоторые слова были близки и обычным русским солдатам. Я дважды за годы службы в армии ездил в командировки в Чечню, вторая кампания как раз шла, так у нас пацаны постоянно слушали Муцураева... Я к чему: для укропов это вообще вынос мозга...

– Так он нас для поддержания легенды и бороды заставил отрастить, – добавляет Воха, кивая на Моторолу: – Как-никак, они в бинокль наблюдают за нами, а с длинной бородой любого можно за чеченца принять.

– Для того чтобы полного соответствия добиться, – смеется полевой командир, – я ребят из своей группы, когда мы выходили кошмарить украинские блокпосты, перед выстрелом из РПГ, например, заставлял кричать «Аллах ак-

бар!!!». Сначала пацаны неохотно это делали, но потом я назначил премиальные: выдавал особо голосистым дополнительный боекомплект. С боеприпасами дефицит, двадцать пять ВОГи для подствольных гранатометов вообще на вес золота. А бойцы у нас не любят экономить, хлебом не корми дай пострелять. Ну а у меня, как у командира группы, дополнительные запасы есть.

– А сейчас почему Муцураева не ставишь? – спрашиваю.

– В штабе джихадить запретили, – не без сожаления констатирует Воха.

– «Джихадить»?

– Ну мы так свои диверсионные вылазки называли. Но теперь командование считает, что чувства верующих можем оскорбить, – расшифровывает слова Вохи командир, – так что намаз с Муцураевым под запретом. Да и вылазки тоже... Полностью переключились на оборону. Ну вот бороды брить нас никто не заставит. – Моторола окидывает подчиненных ехидным взглядом. Не у всех борода выглядит аккуратно, у кого-то она растет смешными клочками. Да и сам командир не может похвастаться густой «лопатой». Рыжий пух хаотично усеял его подбородок, но отступать Моторола не намерен: – Мы с ребятами из моего отряда поклялись друг другу, что побреемся, только когда война закончится. В день победы!

Местный завхоз собрал нам пакет с продуктами – для семьи, которая живет на нижней улице. Как выяснится чуть

позже – прямо на линии огня. Грузимся в «аутлендер», Воха опять ведет джип замысловатыми зигзагами.

Обычный деревенский дом. Жена с мужем, двое детей, больная бабушка. Продукты пришли к стати.

– Чего же, – спрашиваю, – вы не уезжаете?

– Да некуда ехать... – слегка флегматично отвечает женщина.

– А как же обстрелы?

– Прячемся целый день в подвале...

Понимаю, что ее нездоровая отстраненность – следствие перманентного шока. Двое малышей – Антон счастливо повисает на ополченце, четырехлетняя Вера тоже улыбается в коляске. Вот только взгляд у нее чересчур умиротворенный. Девочка тяжелобольна, у нее врожденная микроцефалия. Не говорит и почти не слышит.

– Поэтому и обстрелы ей не страшны, – объясняет мать.

– Мы предлагали их эвакуировать, – докладывает Мотороле рядовой, который сопровождал нас к дому, – но в Славянске им негде остановиться, жить беженцами не хотят, здесь, говорят, хотя бы своя крыша над головой есть.

– Да, я в курсе... Тут вчера ребята из «Комсомолки» были – Коц и Стешин, они обещали найти мецената, чтобы обеспечить жильем в России и работой. Думаю, со дня на день вывезем... Вот по кому эти суки стреляют? – риторически обращается ко мне Моторола. – Ты видишь где-нибудь тут поблизости штаб ополченский или точку огневую?

Демонстративно оглядываюсь. Конечно же ни штабов, ни огневых точек в обозримом пространстве нет. Моторола недвусмысленно намекает, что у него полно дел и наше путешествие окончено. Я отказываюсь возвращаться в гостиницу.

– Ладно, – соглашается, – пойдем, я тебя с пацанами на передке познакомлю. Потусуешься с ними. Воха, поехали к Викингу на позиции.

Когда я выезжал в Славянск, думал, встречу здесь «зеленых человечков» – таких же, что в одно мгновение появились в Крыму, как опята после дождя выросли вокруг каждого мало-мальски административного пня. То есть, попросту говоря, российскую спецуру в масках, десантников, ну и бог знает кого еще из военных закромов нашей родины. Запрыгнув в первый же окоп на линии соприкосновения с ВСУ, я, мягко говоря, опешил.

Тут не было атлетичных контрактников с солдатской выправкой и пионерским настроем. Я увидел усталые лица, в которые въелась фронтовая копоть, – ребята лет двадцати с героической безуминкой в глазах сидели плечом к плечу с выжатыми насухо фигурами сорокалетних мужиков. Первые были дворовыми пацанами, вторые – прирожденными работягами с шахтерским прошлым. По окопам гулял знойный степной говорок, их можно было назвать «ватниками» и «колорадами», да кем угодно, но точно не спецназом ГРУ.

Моторолу здесь приветствовали не по армейскому уставу,

но с подчеркнутым уважением. Формально он не был большим командиром, но его знали все и ему доверяли больше, чем штабным. Потому что свой – с передка не вылезает. На перебой начали сообщать новости: «Минометы с утра молчат», «На тот берег подошла новая техника». «Скорей всего – самоходные артиллерийские установки, но укрупы их еще не расчехляли». «На нижней улице – маячили два подозрительных типа, возможно корректировщики...»

– Тише! – внезапно в крик зашептали откуда-то справа. – Кажется, танк опять завелся...

Все замолчали, и стал четко слышен нарастающий гул техники. От волнения показалось, что танковый двигатель работает метрах в пятидесяти от окопа.

– Перезарядился, значит, – посмотрел на меня Моторола с вызовом, – у тебя есть секунд тридцать, чтобы добежать до подвала, пока он займет позицию и начнет стрелять.

– Да я лучше здесь, с вами побуду...

– Не обосрёшься от страха?

– А что, надо?

Я расправился в полный рост – было это, конечно, полной дурустью, – но тогда я не понимал. Решил, Моторола меня проверяет: как там в Сирии на самом деле. Первый трескучий разрыв осыпал наши лица комочками земли, я не шелохнулся. После второго посмотрел на Моторолу, тот покрутил пальцем у виска:

– У тебя там в Сирии, что ли, совсем забрало упало? –

Пожимаю плечами. Упрямое безрассудство его задело. Соревноваться в смелости – глупая затея. – По моей команде с интервалом в пять-шесть метров бежим до машины, остальные в подвал.

Рявкает третий.

– Бегом!

Наступая на пятки Вохи, добегаю до джипа, на ходу захлопываю дверь, пока разворачиваемся, успеваю щелкнуть картину: раздетый по пояс старик, несмотря на то что украинский танк расстреливает соседние дома в упор, продолжает полоть картошку. Через минуту мы уже вне зоны поражения. Подбросили до гостиницы, прежде чем выйти из машины, спросил:

– Завтра возьмешь с собой?

– Ты вроде крепкий... Звони... Только не высывайся больше из окопа.

Я, конечно же, не сказал Мотороле, что никогда до этого не попадал под танковый обстрел.

Репортаж под «Градами»

На какое-то время Моторола пропал. Сделать это в Славянске – небольшом городке, полностью окруженном подразделениями ВСУ, – было практически невозможно. Но ему это удалось. Телефон не отвечал. Постовые у стрелковского штаба разводили руками, мол, не появлялся.

Я решился сгонять на Семеновку без сопровождения, раз-
узнать, что да как, – гранатометная группа Мотора была
чуть ли не главным звеном в обороне сепаратистского фор-
поста. В слове «сепаратист» многие здесь не видели ниче-
го предосудительного, гордую фразу «Да, я сепар, мы отде-
лились от Украины, мы хотим жить в своем государстве»
в окопах можно было услышать довольно часто. Это я к то-
му, что местные шахтеры и работяги, взявшие в руки кара-
бины – да, автоматы доставались далеко не всем, большая
часть ополчения была вооружена старыми добрыми СКСа-
ми, – совершенно осознанно нарушали территориальную це-
лостность Украины, всячески сопротивлялись тому, чтобы
оставаться ее частью. По крайней мере, в тех политических
рамках, которые установила победа Евромайдана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.